

Самой красноречивой из «летописей человеческого сердца», на которые ссылается Карамзин, была для него, почитателя Руссо, «Новая Элоиза» (непосредственно и в интерпретации г-жи де Сталь). Совпадения в текстах подтверждают, что у Карамзина это не обычные трафареты сентиментального стиля вообще, а сознательное, творческое использование художественных методов его любимого писателя. «Чувствительные» приемы Руссо он полностью перенес в исторический жанр повести, сохранив при этом и ее национальное своеобразие.

«Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь» оказали большое влияние на нашу художественную прозу XIX века. «Наталья, боярская дочь» — не только родоначальница русского художественно-исторического жанра. Это произведение наряду с «Бедной Лизой» оставило ощутимый след в «Повестях Белкина» («Метель», «Станционный смотритель») и в творчестве Достоевского.

Н. ПЕТРУНИНА

ДВА ЗАМЫСЛА ПУШКИНА ДЛЯ «СОВРЕМЕННОГО»

(К СПОРУ МЕЖДУ ПУШКИНЫМ И ЛАЖЕЧНИКОВЫМ ПО ПОВОДУ «ЛЕДЯНОГО ДОМА»)

1

В известном письме к И. И. Лажечникову от 3 ноября 1835 года Пушкин писал, обращаясь к оценке его романов: «Может быть, в художественном отношении, *Ледяной Дом* и выше *Последнего Новика*, но истина историческая в нем не соблюдена, и это со временем, когда дело Волынского будет обнаружено, конечно, повредит вашему созданию; но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык. За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лице мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя!»¹

Как показывает более ранний отрывок «Тредьяковский пришел однажды...», вошедший в «Отрывки из писем, мысли и замечания», дело Волынского и его отношения с Тредиаковским привлекали внимание Пушкина еще в 1827 году. Однако восходящие к этому делу сведения об избитии Волынским Тредиаковского изложены здесь в форме исторического анекдота: «Тредьяковскому не раз случалось быть битым. В деле Волынского сказано, что сей однажды в какой-то праздник потребовал оду у придворного пииты Василия Тредьяковского, но ода была негодова и пылкий статс-секретарь наказал тростью оплошного стихотворца» (XI, 53).

В 1835 году Пушкин, возвращаясь к тому же эпизоду, освещает его совершенно иначе. Это объясняется тем, что с 1827 года существенно изменилась пушкинская оценка Тредиаковского, стал строже его подход к фактам истории.

С лицейских лет и до конца 1820-х годов упоминания Пушкина о Тредиаковском традиционно однозначны: имя Тредиаковского для Пушкина-лицеиста — символ бездарной и бессмысленной метромании («Несчастие Клиты», «К другу стихотворцу», «К Батюшкову», «К Жуковскому»), а позднее — и олицетворение неуклюжего литературного староверства (см. две эпиграммы на М. Т. Каченовского — «Литературное известие» и «Там, где древний Кочерговский», а также пародию на «Вестник Европы» — «Общество московских литераторов» и др.).

Однако уже с начала 1820-х годов в литературно-критических сочинениях Пушкина начинает сказываться его знакомство с трудами Тредиаковского по русскому языку и стихосложению, которое расшатывает представление о нем, бытовавшее среди арзамасцев. В 1830-х годах интерес Пушкина к Тредиаковскому усиливается и приобретает индивидуальный оттенок. Исторические изучения Пушкина, связанное с этим углубление его историко-литературных воззрений способствуют формированию его взгляда на место Тредиаковского в русском литературном развитии. В связи с все усложняющимся положением Пушкина при дворе, пожалованием ему камер-юнкерского звания, воспринятым поэтом как унижение, и рядом последующих фактов его личной биографии Пушкин размышляет о положении пи-

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XVI, Изд. АН СССР, 1949, стр. 62. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

сателя в России. Отсюда повое осмысление даво известных² анекдотов о постоянных унижениях, которые претерпевал Тредьяковский. Все это нашло отражение в суждениях Пушкина о нем, относящихся к 1830-м годам. В эти годы Пушкин приобретает для своей библиотеки «Слово о витийстве» и два тома «Сочинений и переводов» Тредьяковского.³ Статья «Способ к сложению стихов», вошедшая в первый том этого издания, сохранила следы чтения Пушкина (не ранее 1832 года). Знакомство со стихами Тредьяковского отразилось во вступлении к «Медному всаднику»: переключка его с «Похвалой Ижорской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу» уже отмечалась в пушкиноведческой литературе.⁴ Знание трудов Тредьяковского по русской грамматике сказалось в статьях Пушкина 1836 года «Письмо к издателю» и «Песнь о полку Игореве» (XII, 96, 148). Наиболее полно взгляд Пушкина на теоретические сочинения Тредьяковского выражен в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1834). «Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны, — говорится здесь о Тредьяковском. — Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывают необыкновенное чувство изящного... Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского — *habent sua fata libelli*» (XI, 253—254). Несколько далее Пушкин замечает, что радищевские «изучения Тилимахида замечательны» (XI, 262). Радищев же в «Памятнике дактило-хорейческому витязю» впервые серьезно взглянул на результаты деятельности «вечного труженика» Тредьяковского и на его роль в истории русской литературы и филологической науки.⁵ Окончательное мнение Пушкина по этому вопросу, синтезирующее в известной степени его ранние и позднейшие отзывы о Тредьяковском, в том же 1834 году нашло отражение в планах статьи «О ничтожестве литературы русской». В одном из планов Пушкин вновь ставит Тредьяковского — стиховеда и лингвиста выше Ломоносова и Сумарокова («В свое время Тредьяковский — один понимающий свое дело»), в другом же плане пишет, что влияние Тредьяковского уничтожается «его бездарностью» (XI, 495).

Новую грань во взгляде Пушкина на Тредьяковского открывает цитированное выше письмо его к П. И. Лажечникову от 3 ноября 1835 года, где речь идет о попранном в лице Тредьяковского достоинстве русского литератора и ученого. Донесение Тредьяковского Академии, которое, по словам Пушкина, «трогательно чрезвычайно», — это его рапорт в имп. Академию наук от 10 февраля 1740 года с жалобой на «бесчестие и увечье», приписанные ему в то время могущественным кабинет-министром Анны Иоанновны А. П. Волынским. С последовавшим вскоре после этого падением Волынского, потерпевшего поражение в борьбе с более сильным соперником Бироном, связано его следственное дело — второй упоминаемый Пушкиным исторический источник.⁶ Оба эти источника были в то время еще не опубликованы и, как видно из воспоминаний Лажечникова «Знакомство мое с Пушкиным», не были известны ему во время работы над «Ледяным домом».⁷

² См. цитированный выше отрывок «Тредьяковский пришел однажды...» (XI, 53).

³ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. (Пушкин и его современники, вып. IX—X). СПб., 1910, стр. 105—106, №№ 389—390; Г. Г. Ариель-Залесская. К изучению истории библиотеки А. С. Пушкина. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 340—343.

⁴ Л. Тимофеев. «Медный всадник». Из наблюдений над стихом поэмы. В кн.: Пушкин. Сборник статей под ред. А. Еголина. Гослитиздат, М., 1941, стр. 231. Наблюдение Л. Тимофеева развито в статье: Е. В. Матвеева. Пушкин и Тредьяковский. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 76, 1949, стр. 182—188.

⁵ Высокую оценку «Памятника дактило-хорейскому витязю» Пушкин повторил в статье 1836 года «Александр Радищев» (XII, 35). Влияние радищевских «изучений Тилимахида» на формирование пушкинского взгляда на Тредьяковского отмечал уже В. Е. Якушкин в работе «Радищев и Пушкин» (М., 1886, стр. 23). Наблюдение Якушкина конкретизировано в заметке В. И. Чернышева «Пушкин и Радищев» (Пушкин и его современники, вып. V. СПб., 1907, стр. 125—127) и развито в книге В. П. Семенникова «Радищев. Очерки и исследования» (ГИЗ, М.—Пг., 1923, стр. 286—288, 303—304). Элементы полемики с «Памятником дактило-хорейскому витязю» в «Путешествии из Москвы в Петербург» справедливо отметил П. Н. Берков в статье «А. Н. Радищев как критик» («Вестник Ленинградского университета», 1949, № 9, стр. 71).

⁶ Следственное дело Волынского, закончившееся его осуждением и казнью, в настоящее время хранится в ЦГАДА (дела бывшего Госархива, ф. 6, 1740 г., №№ 194—197, 199, 208).

⁷ «Русский вестник», 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 616—617. В литературе о Пушкине вопрос об источниках его знакомства с интересующими нас докумен-

Письмо Пушкина к Лажечникову свидетельствует о сформировавшейся у Пушкина к этому времени весьма строгой оценке Волынского, которая шла вразрез не только с изображением этого исторического деятеля в романе Лажечникова, но и вообще с наиболее распространенным в то время взглядом на него. В своем романе, следуя поэтической традиции Рыльева, Лажечников идеализировал образ Волынского, представив его бескорыстным патриотом и гражданином.⁸ Упоминания Пушкина о Волынском до 1835 года (X, 215, 252, 264, 271, 277 и др.) не дают никакой оценки его личности или исторической роли. Чтение же «Ледяного дома» побудило Пушкина выразить свое, иное, более сложное, чем у Лажечникова, отношение к Волынскому. Формированию его способствовало углубленное изучение архивных материалов по русской истории XVIII века, раскрывшее Пушкину ряд теневых сторон личности и деятельности Волынского. Со сдержанным отношением Пушкина к «мучителю» Тредиаковского связана высказанная им в том же письме характеристика Бирона, о котором Пушкин писал, что «на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в правах народа» (XVI, 62). Эта характеристика была воспринята Лажечниковым как «непостижимая... обломка великого поэта».⁹ Между тем смысл пушкинского суждения заключался вовсе не в возвышении фигуры временщика за счет Волынского. В «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) Пушкин охарактеризовал Бирона как «кровавого злодея» (XI, 14). Таким образом, в отрицательной оценке личности Бирона он не расходился с Лажечниковым. Но в тех же «Заметках» Пушкин рассматривал «гордые замыслы Долгоруких» и другие попытки «аристократии» установить олигархический образ правления как основную консервативную тенденцию русской истории XVIII века, грозившую «вечною чертою» отделить существование народа от существования дворян, заградив «для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных» (XI, 14—15). В этой связи воспринимал Пушкин и исторический смысл деятельности Бирона. Так, в черновиках поэмы «Езерский» (1832), рассказывая родословную своего героя, поэт писал: «[И] Бирон, деспот непреклонный, Смирял их род неугомный» (в первоначальных вариантах: «И Бирон [умный] твердый и суровый», «И Бирон твердый непреклонный») (V, 402—403). Позднее, в первой редакции статьи «О ничтожестве литературы русской» (1834), Пушкин снова вернулся к антагонизму Бирона и «старшего» боярства. «Наследники Великого. — читаем здесь, — пошли суеверно по его следам. Но высокомерие Долгоруких, пронырство Меншикова, наконец последние» заговоры старшего боярства, пресеченные мощною рукою Бирона, слишком занимали русское дворянство, единственный класс, на который просвещение успело излить свои лучи» (XI, 498).

Пушкина не могла удовлетворить точка зрения официальной историографии, противопоставлявшей «кровавого злодея» Бирона добродетельной государыне и переносившей на него одного вилу за все ужасы бироновщины. В них Пушкин обвинял прежде всего „дух времени“ в целом, деспотическую монархию XVIII в., вне прямой зависимости от качеств отдельных лиц». Он переносил центр тяжести «с личности тирана на условия, ее порождающие».¹⁰

Образы Бирона, Волынского и Тредиаковского в романе Лажечникова не могли встретить сочувствия и у Пушкина-художника: своей однолинейностью они противостояли пушкинскому идеалу широкого, многостороннего изображения характеров, выраженному им в известной заметке «Лица, созданные Шекспиром...» (Table-Talk; см.: XII, 159—161). Но эта, последняя сторона полемики Пушкина с Лажечниковым уже неоднократно освещалась исследователями пушкинской исторической прозы.

там же был затронут лишь Г. Г. Арисель-Залесской. В статье «К изучению истории библиотеки А. С. Пушкина» она пишет: «По всей вероятности, работая в архивах над материалами о Пугачевском восстании, Пушкин прочитал и „Дело А. П. Волынского“ и присоединенное к нему Бироном „Дело“ Тредиаковского с его „Репортом в императорскую Академию наук“ — свидетельством невероятных издевательств Волынского над Тредиаковским» (стр. 341—342). Высказанные ниже соображения позволяют более точно определить степень знакомства Пушкина с названными материалами.

⁸ См. об этом: М. В. Нечкина. «Ледяной дом» И. И. Лажечникова. В кн.: И. И. Лажечников. Ледяной дом. Гослитиздат, М., 1958, стр. 28—31; Н. Г. Ильинская. Роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом». (Общественно-политическая проблематика). «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», 1958, т. 184, вып. 6, стр. 49—57.

⁹ «Русский вестник», 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 621.

¹⁰ А. Г. Пушкин. Пушкин 30-х годов в борьбе с официальной историографией («История Пугачева»). В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 227; ср.: Н. Г. Ильинская. Роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом», стр. 59—62.

Упреки Пушкина вызвали резкие возражения Лажечникова в его письме к Пушкину от 22 ноября 1835 года, где он отстаивал принципы романтической поэтики и оправдывал свою трактовку Вольтерского и Тредиаковского (XVI, 63—67).¹¹ После смерти Пушкина Лажечников, опубликовав письмо Пушкина с оценкой «Ледяного дома», вновь развил, уже печатно, свои возражения поэту.¹² Пушкин же оставил полемическое письмо Лажечникова без ответа.¹³ Однако сопоставление некоторых данных позволяет прийти к заключению, что еще в 1835 году Пушкин собирался повторить свои возражения Лажечникову в печати. Не осуществив этого намерения, он, как мы увидим ниже, через год вновь возвращается к нему.

В рабочей тетради Пушкина 1833—1836 годов сохранился набросок (всего одна фраза): «На днях прочитал я новый роман Лажечникова». Этот набросок был впервые опубликован в 1884 году В. Е. Якушкиным в составе описания рукописей Пушкина, хранящихся в Румянцевском музее.¹⁴ В 1935 году он был включен М. А. Цявловским в сборник «Рукою Пушкина»,¹⁵ но не вошел в академическое и последовавшие за ним издания сочинений поэта. М. А. Цявловский справедливо квалифицировал его как «начало ненаписанной (или недошедшей до нас) заметки или статьи о „Ледяном доме“, в качестве же возможного основания для датировки этого фрагмента сослался лишь на его положение в рабочей тетради Пушкина — перед черновой стихотворения «На выздоровление Лукулла», «писавшейся в октябрь-ноябре 1835 года». Однако представляется возможным привлечь для датировки этого наброска дополнительные данные. Роман Лажечникова Пушкин прочитал по возвращении в Петербург из поездки в Михайловское и Тригорское, которая продолжалась с 8 сентября по 23 октября 1835 года.¹⁶ Палеографические данные свидетельствуют, что первая фраза статьи о «Ледяном доме» и следующий за ней черновик стихотворения «На выздоровление Лукулла», созданного также по возвращении из этой поездки, написаны в один день. Это позволяет предположить, что указание Пушкина на то, что он прочитал роман Лажечникова «на днях», не есть литературный прием, и мысль написать статью о «Ледяном доме» действительно мелькнула у Пушкина вскоре после прочтения романа. Отсюда — основание для сближения интересующего нас замысла с письмом Пушкина к Лажечникову от 3 ноября 1835 года. Трудно сказать, что является более ранним, — письмо или

¹¹ В частности, Лажечников писал: «В моем романе я заставил Тредиаковского говорить и действовать, как педанта и подлеца: в этом случае я не погрешил ни как историк, ни как художник». Однако, по наблюдениям новейшего исследователя, при переиздании «Ледяного дома» в 1858 году он, «по-видимому под влиянием критических замечаний Пушкина, исключает некоторые особенно резкие характеристики Тредиаковского» (см. примечания Н. Г. Ильинской в кн.: И. И. Лажечников, Сочинения в двух томах, т. II, Гослитиздат, М., 1963, стр. 687). Еще важнее при этом были, по-видимому, для Лажечникова критические замечания Белинского, повторившего в 1845 году в более резкой форме упреки Пушкина под влиянием публикации рапорта Тредиаковского, о чем см. ниже.

¹² Лажечников. Знакомство мое с Пушкиным. (Из моих памятных записок). «Русский вестник», 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 614—621.

¹³ Как видно из тех же воспоминаний Лажечникова, последний отнес молчание Пушкина за счет его уважения к «истипе», а следующее письмо к нему Пушкина, написанное 1 мая 1836 года из Твери, по дороге в Москву, воспринял как знак примирения («Русский вестник», 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 622). Названное письмо Пушкина в т. XV (стр. 186) предположительно отнесено ко времени «около 20 августа 1834 г. (?)». Между тем Лажечников определенно указывает, что письмо было получено им после полемики с Пушкиным по поводу романа «Ледяной дом», которая имела место в ноябре 1835 года. О двух романах Лажечникова упоминает и Пушкин в тексте письма. Это означает, что оно не могло быть написано до выхода «Ледяного дома» и знакомства с ним Пушкина, которое произошло после 23 октября 1835 года, когда поэт вернулся из Михайловского. После этого Пушкин проезжал через Тверь по дороге в Москву только однажды. В 1836 году, когда он провел здесь день 1 мая. Все эти соображения возвращают нас к датировке письма, предложенной П. А. Ефремовым в книге: Сочинения А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. VII, 1903, стр. 639).

¹⁴ «Русская старина», 1884, кн. 12, стр. 526.

¹⁵ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 213 (здесь неточное чтение: *прочел* вместо *прочитал*).

¹⁶ «Ледяной дом» вышел в свет в конце августа 1835 года. Извещение о его продаже помещено в «Северной пчеле» (1835, № 190, 26 августа). В библиотеке Пушкина роман не сохранился. Однако, по свидетельству Лажечникова, он, по выходе книги, послал ее поэту («Русский вестник», 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 614). Через два месяца после появления «Ледяного дома» Пушкин, вернувшись в Петербург, нашел посылку Лажечникова и благодарил его письмом от 3 ноября.

начало статьи. Очевидно только, что последнее относится ко времени около 3 ноября 1835 года.¹⁷ Хронологическая близость замысла статьи о «Ледяном доме» к этому письму свидетельствует о внутренней связи между ними. Возникает предположение, что, излагая в письме к Лажечникову свои размышления по поводу исторических персонажей его романа, Пушкин собирался тогда же развить их в виде особой статьи, зерно которой угадывается в его письме.

Но у нас есть и более серьезные основания для того, чтобы судить о содержании этой несуществующей статьи Пушкина.

Еще первое описание пушкинского архива, составленное В. А. Жуковским сразу после смерти поэта, содержит указание на сохранившиеся в его бумагах писарские копии «Записки об Артемии Волинском» и рапорта Тредиаковского пмп. Академии наук от 10 февраля 1740 года.¹⁸ Отмечены они и В. Е. Якушкиным в описании рукописей Пушкина, хранящихся в Румянцевском музее.¹⁹ Однако эти материалы, находящиеся в настоящее время в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ф. 244, оп. 3, №№ 152—153; в описи они квалифицированы как материалы для «Истории Пугачевского бунта»), не привлекали до сих пор внимания исследователей.

У нас нет точных данных для суждения о том, когда был изготовлен для Пушкина список рапорта Тредиаковского. Иначе обстоит дело с «Запиской об Артемии Волинском». Однако прежде надо сказать несколько слов о самой «Записке».

«Записка об Артемии Волинском» представляет собой изложение подлинного следственного дела о Волинском. Впервые она была опубликована более чем через 20 лет после смерти поэта.²⁰ «Записка» была составлена в 1831 году Д. Н. Блудовым по указанию Николая I. Вероятно, составление ее было вызвано теми же причинами, что и предпринятое ранее М. М. Сперанским изучение следственного дела о Пугачеве, которое с этой целью было специально затребовано из Москвы в Петербург. Восстание декабристов побудило Николая I ознакомиться с материалами процессов над участниками крупнейших антиправительственных выступлений прошлого века, которые были еще свежи в памяти общества.

Как и при каких обстоятельствах в бумагах Пушкина появилась копия интересующей нас «Записки»? Об этом мы можем судить на основании давно известного, но никогда не комментировавшегося письма Жуковского к Пушкину,²¹ датированного 20-ми числами (не позднее 24-го) декабря 1836 года, содержание которого до сих пор оставалось загадочным. В этом письме мы читаем: «Посылаю тебе манускрипт Блудова. Мой писарь ничего разобрать не может; ты разберешь. Я отметил крестиками то, что можно напечатать. Манускрипт не потеряй и после мне возврати. . . Как скоро перепишешь, покажи Блудову» (XVI, 205). С «манускрипта Блудова», о котором говорится в этом письме, и была, по-видимому, изготовлена пушкинская копия «Записки об Артемии Волинском». В отличие от печатного текста 1858 года, она снабжена ссылками на подлинные архивные документы, легшие в основу текста Блудова. На полях списка сохранился ряд карандашных отметок. Задача дальнейшего изучения — установить, кому они принадлежат, т. е. имеем ли мы дело с перенесенными писцом «крестиками» Жуковского, с отметками Блудова, которому Пушкин должен был, по условию с Жуковским, показать свой список, или с пометами самого Пушкина.

Из письма Жуковского следует, что копия «Записки об Артемии Волинском» была заказана Пушкиным в конце декабря 1836 или в начале января 1837 года, т. е. более чем через год после чтения романа Лажечникова и написания письма к нему. Как мы увидим ниже, пушкинская копия рапорта Тредиаковского также

¹⁷ Это проливает свет на историю заполнения лл. 42₂—45₁ в рабочей тетради Пушкина 1833—1836 годов (№ 846). На л. 43₁ находится начало статьи о «Ледяном доме», написанное около 3 ноября; вслед за ним (лл. 43₁₋₂, 42₂) — черновик оды «На выздоровление Лукулла», созданный в тот же день. На лл. 44₂—45₁ — черновик стихотворения «Когда владыка ассирийский», датированный на основании пушкинской пометы 9 ноября. Палеографические данные указывают на то, что лл. 42₂—45₁ заполнялись подряд. Так выясняется дата черновика еще одного значительного стихотворения Пушкина: «Поэт идет — открыты вежды» — первой импровизации итальянца из «Египетских ночей» (л. 44₁), которое было написано между 3 и 9 ноября 1835 года.

¹⁸ Дела III Отделения собственной е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине. СПб., 1906, стр. 191.

¹⁹ «Русская старина», 1884, кн. XII, стр. 575. Здесь эти документы отмечены среди «разных исторических материалов».

²⁰ См.: «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1858, кн. 2, отд. V, стр. 135—170. До этого сжатое изложение «Записки» было опубликовано А. А. Краевским в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара (т. XI, СПб., 1838, стр. 464—473).

²¹ Письмо это опубликовано было еще П. А. Бартевым («Русский архив», 1889, т. III, кн. 9, стр. 123) и уже В. И. Саитовым введено в издание переписки Пушкина (т. III, СПб., 1911, стр. 435).

была изготовлена, по всей вероятности, в середине 1836 года. Таким образом, 3 ноября 1835 года, когда Пушкин писал Лажечникову и замыслил статью о «Ледяном доме», он еще не располагал списками этих документов.

Тем не менее сопоставление указанных документов пушкинского архива с письмом Пушкина к Лажечникову позволяет прийти к следующим выводам:

1) В 1836 году Пушкин специально заказывает копии тех самых документов, на которые он ссылался в полемике с Лажечниковым («дело Вольтинского», донесение Тредиаковского Академии). Эта стойкость его интереса к делу Вольтинского и «мученичеству» Тредиаковского подкрепляет высказанную выше мысль о том, что в замысел статьи Пушкина 1835 года о «Ледяном доме» входил спор с Лажечниковым по поводу оценки этих исторических персонажей.

2) Оставив в 1835 году намерение написать полемическую статью о «Ледяном доме», Пушкин через год вновь вернулся к каким-то творческим замыслам, связанным с делом Вольтинского и рапортом Тредиаковского. Но прежде чем перейти к характеристике последних, попытаемся ответить на вопрос о том, почему статья 1835 года о «Ледяном доме» не была написана.

Как уже говорилось выше, в тетради поэта начало статьи о «Ледяном доме» предшествует черновику оды «На выздоровление Лукулла», написанному в тот же день. Новый и чрезвычайно дерзкий замысел памфлета, направленного против могущественного министра С. С. Уварова, увлек Пушкина, потребовал напряжения всех творческих сил, и на этот раз отвлек его от статьи о романе Лажечникова. С другой стороны, высказав свои возражения в личном письме к Лажечникову, Пушкин мог счесть спор с ним на некоторое время исчерпанным и отложить осуществление своего замысла до начала издания собственного журнала. Можно допустить, что здесь сыграли роль и некоторые внешние обстоятельства. Дело в том, что еще до того, как Пушкин познакомился с романом Лажечникова, и непосредственно перед его отъездом в Михайловское вышла в свет сентябрьская книжка «Библиотеки для чтения» с рецензией О. П. Сенковского на «Ледяной дом».²² В этой рецензии Сенковский отметил, что образ Тредиаковского в романе — «самая неудачная карикатура, какую только человек с дарованием может создать».²³ В доказательство того, что характер Тредиаковского и его язык исторически недостоверны, Сенковский сослался на рапорт Тредиаковского в Академию наук от 17 сентября 1750 года — его ответ академическим рецензентам предисловия к Барклаевой «Аргениде». Полный текст этого донесения Сенковский привел в своей статье как «любопытный документ, который в нескольких строках гораздо резче и живописнее изображает автора „Телемахиды“, чем все сцены „Ледяного дома“».²⁴ Таким образом, Сенковский до некоторой степени предвосхитил аргументацию Пушкина, хотя его упреки касались преимущественно внешней характеристики Тредиаковского, а не отношения Лажечникова к общественному положению писателя и ученого.

3

Переходим к последнему эпизоду, связанному с интересом Пушкина к личности Тредиаковского и Вольтинского.

Выше уже было сказано о копиях рапорта Тредиаковского в Академию и «Записки об Артемии Вольтинском», сохранившихся среди бумаг поэта. Для чего предназначал их Пушкин?

Ответ на этот вопрос помогает найти перечень статей, замышлявшихся Пушкиным для «Современника». Опубликованный уже в советское время Б. Л. Модзалевским,²⁵ он был уточнен текстологически в издании сочинений Пушкина, выхо-

²² «Библиотека для чтения», 1835, т. XII, Критика, стр. 18—34. Как известно, «Библиотека» славилась своей точностью и выходила первого числа каждого месяца, а Пушкин выехал из Петербурга 8 сентября. Был ли поэт знаком со статьей Сенковского? В его библиотеке, где имеются полные комплекты «Библиотеки для чтения» за 1834 и 1836 годы, 1835 год составляет исключение: отсутствует ряд номеров журнала, в которых были напечатаны произведения самого Пушкина, нет и интересующей нас сентябрьской книжки (см.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина, стр. 124—125, №№ 459—460). Однако даже если предположить, что эта книжка первоначально прошла мимо Пушкина, то позднее его внимание обратил на статью Сенковского сам Лажечников, в письме от 22 ноября 1835 года возражавший одновременно и Пушкину, и Сенковскому и смешавший, по-видимому, донесение Тредиаковского Академии, опубликованное Сенковским, с тем донесением, на которое ссылался Пушкин в своем письме от 3 ноября (XVI, 65).

²³ «Библиотека для чтения», 1835, т. XII, Критика, стр. 29.

²⁴ Там же, стр. 30.

²⁵ Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Изд. «Атепой», Пб., 1922, стр. 209.

двух приложений к журналу «Красная нива»,²⁶ и прокомментирован М. А. Цявловским в сборнике «Рукою Пушкина» (стр. 281—285). Отдельные чтения в составе этого списка, а также комментарий к нему уточнялись впоследствии.²⁷ Одной из самых трудных для объяснения оказалась здесь запись: «Тредьяковский», до сих пор не разъясненная. Комментируя ее, М. А. Цявловский писал: «В рукописях Пушкина нет следов какой-либо специальной статьи о Тредьяковском».²⁸

Пушкинский список с рапорта Тредиаковского позволяет разъяснить эту запись. По-видимому, Пушкин собирался опубликовать в «Современнике» не статью о Тредиаковском, а его донесение Академии от 10 февраля 1740 года, сопроводив его своим предисловием. В пользу этого предположения говорят и внешний вид списка, который был изготовлен со специальной целью и поэтому не несет на себе следов чьего-либо чтения, и особенно некоторые другие пункты пушкинского перечня («Поход 1711», «Календарь «на 1721 год»»), отражающие замыслы также не статей, а именно публикаций.

Обнаружение исторических источников и других документальных материалов органически входило в пушкинскую программу «Современника». Об этом свидетельствуют подготовленные Пушкиным к печати «Записки бригадира Моро-де-Бразе» о прусском походе Петра I 1711 года и его желание поместить в журнале отрывок карамзинской «Записки о древней и новой России» (оба эти намерения были осуществлены уже после смерти Пушкина). Публикация в «Современнике» исторических материалов позволяла непосредственно связать издание журнала с интересами Пушкина-историка: в «Истории Пугачева» он придерживался принципа строгой документальности и решительно отстаивал этот принцип, в противовес привычным романтическим шаблонам, в полемике с первым критиком своей «Истории» В. Б. Броневским (IX, 377—393).

Встает вопрос о том, когда возникла у Пушкина мысль поместить в «Современнике» рапорт Тредиаковского. Ответ на него связан с датировкой пушкинского перечня, о котором только что шла речь. М. А. Цявловский на основе своего толкования записи «Путеш. Арт. Ар.» как задуманной Пушкиным статьи или заметки о книге П. Т. Радожицкого «Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год» отнес его ко времени подготовки первого тома «Современника», где появилась заметка Гоголя о названной книге.²⁹ К. Н. Григорьян, убедительно доказавший, что Пушкин имел в виду другую книгу — «Жизнь Артемия Араратского», согласился тем не менее с этой датировкой.³⁰ Между тем Пушкин включил в перечень свой ответ Броневскому — «Об „Истории Пугачевского бунта“», замысел которого возник у него, по собственному признанию, после появления в «Северной пчеле» (1836, № 129, 9 июня) статьи Ф. В. Булгарина, раскрывшей псевдоним Броневского (IX, 379). С другой стороны, в списке значится статья Пушкина о Радищеве, запрещенная цензурой 1 сентября 1836 года.³¹ Это означает, что перечень статей для «Современника» составлен между 6 июня и 1 сентября 1836 года, т. е. относится ко времени работы над его третьей книжкой, когда Пушкин «действительно» (XVI, 124) занялся своим журналом. По-видимому, тогда же был заказан Пушкиным и список с рапорта Тредиаковского.

Можно с уверенностью утверждать, что для публикации в «Современнике» Пушкин предназначал и копию с «манускрипта» Д. Н. Влудова — «Записки об Артемии Волынском». Об этом свидетельствует уже цитированное письмо Жуковского к Пушкину, где наряду с перепиской для печати блудовской рукописи речь идет о «выписке» из «Записки о древней и новой России» Карамзина, за получением которой Жуковский отсылает Пушкина к К. С. Сербиновичу.

Так в последние месяцы своей жизни Пушкин снова хочет вернуться в печати к вопросам, затронутым им в полемике с Лажечниковым, и, вероятно, уже без непосредственной связи с его романом. Это объясняется тем, что нравственное и общественно-политическое значение указанных вопросов далеко выходило за пределы критического разбора «Ледяного дома». Свидетельство тому — дальнейшая судьба обоих документов, публикацию которых надолго задержала смерть Пушкина

²⁶ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в шести томах. т. V, ГИЗ, М.—Л., 1931, стр. 386.

²⁷ См., например: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 131 (№ 341); К. Н. Григорьян, «Жизнь Артемия Араратского». В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 104—105; комментарий в кн.: А. С. Пушкин, Собрание сочинений в десяти томах, т. VI, Гослитиздат, М., 1962, стр. 515—516.

²⁸ Рукою Пушкина, стр. 283. Ср. примечания в кн.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в шести томах, т. V, «Academia», М.—Л., 1936, стр. 681.

²⁹ Рукою Пушкина, стр. 282.

³⁰ К. Н. Григорьян, «Жизнь Артемия Араратского», стр. 104. Поправка К. Н. Григорьяна осталась неучтенной в новейшем десятитомном издании сочинений Пушкина, выпущенном Гослитиздатом (т. VI, М., 1962, стр. 516).

³¹ Временник Пушкинского Дома. 1914. Пгр., [1915], стр. 16.

(а быть может, и цензурные препятствия). Когда в 1845 году М. П. Погодин опубликовал в «Москвитянине» рапорт Тредиаковского,³² В. Г. Белинский отозвался на его публикацию словами, в которых он раскрыл общественное значение этого документа и обнажил смысл пушкинского упрека Лажечникову. Он писал: «А хороше было то время, когда вельможа Волынский, провозглашенный патриотом, потешался собственноручным кормлением бедного писака оплеухами?.. И писатели нашего времени берут сторону Волынского в этом позорном факте... Бедный Тредьяковский! тебя до сих пор едят писака и не нарадуются досыта, что в твоём лице нещадно бито было оплеухами и палками достоинство литератора, ученого и поэта!»³³ А когда в 1858 году была впервые полностью напечатана «Записка об Артемии Волынском», первый же биограф Волынского, выступивший после этого, как бы оправдывая предсказание Пушкина, начинает свою статью полемикой с идеализацией образа Волынского, которой «много способствовал „Ледяной дом“ г. Лажечникова, долгое время заменявший собою для характеристики Волынского все исторические материалы и научные исследования», и указывает, что «„Записка об Артемии Волынском“... значительно умерила ослепительный блеск лучезарного ореола, окружавшего высокое чело „врага Бирона“, сильно пошатнула и подорвала горячую веру в идеально-прекрасные свойства его души».³⁴

В. БАЗАНОВ

К ИСТОРИИ ТЮРЕМНОЙ ПОЭЗИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАРОДНИКОВ 70-х ГОДОВ

В изучении поэзии революционных народников еще много трудных и просто не решенных вопросов. Для понимания общих идей, ведущих мотивов и образов народнической поэзии ценным пособием является книга Н. В. Осмакова «Поэзия революционного народничества» (Изд. АН СССР, М., 1961). Теперь наступило время, чтобы от проklamирования самых общих идейных и художественных признаков революционно-пропагандистской поэзии 70—80-х годов перейти к выяснению и характеристике отдельных поэтов, учитывая их индивидуальные особенности. К этому призывает А. И. Никитина в статье «Из истории русской революционной поэзии 1870-х годов».¹

Бесспорно, что поэты-народники заслуживают более пристального внимания со стороны исследователей. Среди стихотворений, созданных участниками «хождение в народ» и народолюбцами, есть немало таких, которые достойны войти в самую строгую по отбору антологию русской поэзии XIX века.

Поэзию раннего народничества нельзя сводить исключительно к творчеству поэтов, принимавших непосредственное участие в революционном движении, к песням и стихам революционного подполья. Был еще великий Некрасов, были поэты «Отечественных записок» (1868—1884). Необходимо иметь в виду постоянные и органические связи между поэзией нелегальной, подпольной, создаваемой в основном профессиональными революционерами, и поэзией Некрасова, имевшей огромный общественный резонанс. В 70-е годы Некрасов был самым выдающимся поэтом революционного народничества, хотя он и не состоял в «Большом обществе» (кружок чайковцев), не был землевольцем. Нечто подобное мы видим и в 20-е годы XIX века, когда создавалась поэзия декабризма. Пушкин являлся зачинателем нового литературного направления, он создал образцы гражданской поэзии, стал певцом декабризма. Конечно, поэзия Некрасова не укладывается в литературное народничество, как и поэзия Пушкина не укладывается в декабризм. Но без поэзии революционного подполья 60—70-х годов и Некрасов будет не полон. Поэты-народники входят в «некрасовскую школу», они дополняют своего современника

³² «Москвитянин», 1845, ч. I, кн. 2, отд. IV, стр. 43—46.

³³ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IX, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 189—190.

³⁴ И. Ш и ш к и н. Артемий Петрович Волынский. «Отечественные записки», 1860, кн. 2, стр. 451, 449. В дальнейшем «Записка об Артемии Волынском» служила основным источником для знакомства с делом Волынского С. М. Соловьева и последующих историков.

¹ См.: Из истории русской литературы («Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 245). Л., 1963, стр. 5—36.